

ПРЕКАРИАТ, КРЕАТИВНЫЙ КЛАСС И ПЕРСОНАЛИАТ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННЫХ СОЦИАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

И. Ю. Тихонова

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 1 июня 2024 г.

Аннотация: автор анализирует представителей прекариата, креативного класса и персоналиата как основных акторов социального пространства современности. Обращается внимание на уязвимость и неопределенность их положения в социальной реальности как объективные следствия их деятельности в системе, ориентирующейся на гибкую занятость и на приоритет человеческого капитала. Отмечается необходимость выработки нового этоса в профессиональном сообществе, который позволит выйти за рамки индивидуализма и темпоральной ориентации и включить в него общие цели и ценности.

Ключевые слова: прекариат, креативный класс, персоналиат, посткапитализм, человеческий капитал, саморазвитие.

Abstract: the author analyzes representatives of the precariat, creative class and personalities as the main actors in the social space of our time. Attention is drawn to the vulnerability and uncertainty of their position in social reality as objective consequences of their activities in a system focused on flexible employment and the priority of human capital. The author focuses on the need to develop a new ethos in the professional community, which will allow us to go beyond individualism and temporal orientation and include common goals and values.

Key words: precariat, creative class, personalities, post-capitalism, human capital, self-development.

В попытках создать приемлемый образ будущего и разобраться с возможными проблемами и противоречиями в постиндустриальном обществе философия пришла к ощущению исчерпания капитализмом своих внутренних источников. П. Мейсон, Н. Срничек и А. Уильямс заявили о наступлении эры посткапитализма, с характерными изменениями в социально-экономической, политической и культурной сферах. Капитализм наткнулся на противоречие в своем собственном развитии, прежде всего, потому, что появились новые виды капитала, независимые от категории продуктивизма, т. е. ориентации на производительность, прибыль и труд как высшие ценности, а сфокусированные на критерии человеческого развития.

Эти тенденции поставили перед обществом и мыслителями задачу исследования нового образа субъекта трудовой деятельности и этических норм, определяющих его поведение.

А. Корсани обозначает главные траектории изменений характера трудовой деятельности в современном обществе: распространение краткосрочных до-

говоров с работниками и появление независимых работников [1, с. 52]. Принимая это положение, отметим еще тот факт, что изменения в характере трудовой занятости и информатизация общества приводят к обособлению человека от группы, в рамках которой он реализовывал свою трудовую деятельность. Кроме того, сама природа общества, ориентированного на предоставление услуг, обращена к развитию и культивированию именно личностных характеристик. В связи с этим повышается значение человеческого капитала, в который включаются личностные и профессиональные компетенции, опыт, мотивация и стремление к саморазвитию. Капитал теснейшим образом становится связан с жизнью человека, который свои знания, свободное время и здоровье тратит на повышение своего профессионального статуса.

Общество XXI в. выводит на арену социально-экономической жизни следующие типы субъектов трудовой деятельности – представителей прекариата, креативного класса и персоналиата. Эти новые, набирающие популярность формы требуют новой

этики, новых способов коммуникации, которые будут способны сформировать экономические гарантии и профессиональную/социальную идентичность на новых основаниях.

В XX в. капитализм всё более основывается на таком ресурсе, как знание, недаром постиндустриальное общество часто называют «информационным» или «знанием», подчеркивая ведущую роль знания в его существовании и развитии. Постепенно капитализм, прежде ориентированный на контроль и приращение знания, фокусируется на человеке как деятельном и потребляющем субъекте, оценивая его способности и ресурсы как основной капитал. Надо сказать, что человек для посткапиталистической системы интересен именно в форме человеческого капитала, а потому теоретики посткапитализма скоропалительно, на наш взгляд, этот новый этап в развитии общества представляют себе гуманистическим, не замечая, что он порождает новые, еще более глубокие формы отчуждения.

Ориентация на интеллектуализацию труда делает очевидным новый тип рациональности, о котором в свое время писали С. Тулмин и Ю. Хабермас, заключенной в оптимизации ресурсов и эффективности труда. Статус субъекта здесь напрямую зависит от возможности продать свои способности и продемонстрировать успешность в достижении поставленных целей. Калькулируемость знаний, умений и навыков позволяет просчитать стоимость статуса человека, его эффективность и рейтинг. Мы имеем дело с новым типом рационального субъекта, иррациональные интенции которого также не являются невидимыми, но, напротив, учитываются и анализируются. Оценка различных сфер жизни человека, проработка мотивов и целей с коучем и прочее становятся логичным результатом отношения к человеку как к тотальному потребителю всевозможных услуг, предоставляемых обществом.

Тенденция к прекаризации труда возникает во второй половине XX в. в связи с увеличением гибкости трудовых отношений ради повышения прибыли и включением в сферу занятости индивидов, ориентированных на неполный рабочий день. Большую роль в прекаризации труда играют его феминизация, миграция, студенческая занятость, изменения в структуре семьи. Важной детерминантой прекаризации является фрикционная технологическая безработица – самое большое зло технологически развитого общества [2, с. 144], – связанная с несоответствием навыков, места проживания и личных особенностей той трудовой деятельности, которую человек осуществлял прежде. Это порождает необходимость в переквалификации, поиске новых регионов для работы, новых форм занятости и пр. Распространение нового класса, имеющего ряд неоспоримых преиму-

ществ и объективно увеличивающегося в XXI в., однако, было встречено многими мыслителями с опаской (Гай Стендинг выносит в заголовок своей книги определение прекариата как «опасного класса» [3]). Это было связано с отсутствием гарантий со стороны работодателя, кратковременностью связей, устанавливаемых в профессиональных сообществах, а значит, с утратой социальной солидарности и социальной памяти внутри них. Для прекариата не свойственна профессиональная идентификация как основа социального образа личности, также отсутствуют долгосрочное планирование и ясные представления о будущем, и, что самое важное, исчезают рамки между работой и досугом за счет постоянного процесса переобучения и поиска своего места в нестабильном и постоянно меняющемся мире.

Отсутствие профессиональной самоидентификации у прекариата делает невозможной деятельность внутри профессионального сообщества, а потому человек вынужден искать место внутри коллектива, который не имеет отношения к работе. Последнее может быть достойной заменой профессиональному сообществу с точки зрения формирования коллективных ценностей и значений. Но всё чаще прекаризация ведет к изоляции индивида от участия в общественной деятельности, а значит, лишает социальную деятельность смысла. А потому индивид с готовностью погружается в те сферы, которые позволяют ему этот смысл восполнить. Общим у прекариев оказывается опыт вне рабочей деятельности, выстраиваемый вокруг тех сфер досуга, образования, заботы, которые по разным причинам (из-за недостатка времени или финансовых возможностей) не были доступны прежде.

Таким образом, развитие технологий приводит не просто к освобождению человека от трудовой деятельности, а к все большему увеличению объема занятости, куда входит вся та, свободная от оплачиваемого труда деятельность, посредством которой человек обеспечивает свое материальное существование и идентифицирует как личность.

Субъект, прежде самоопределяющийся в профессиональной сфере, будучи прекарием, не всегда может зафиксировать себя в профессиональном плане, поскольку ограничение временем и задачами проекта не позволяет ему надолго сформировать коллектив и соответствующие нормы деятельности. Неслучайно А. Корсани пишет об этосе современного работника как основанном на темпоральности [1, с. 52]. Действительно, единственное, что имеет для субъекта значение, – это время, выделенное для реализации проекта. Всё остальное нерабочее время «колонируется», т. е. посвящается задачам саморазвития.

Кроме того, сокращение рабочего времени становится условием освобождения человека от профес-

сиональной деятельности как положения социальной идентификации. Последняя теперь в большей степени связана с сообществами по интересам за гранью профессии. Если раньше заикленность на труде была обусловлена ориентацией на протестантскую этику в западных странах, а в догоняющих – ориентацией на западный стиль поведения, то сегодня высвобождение из необходимой для существования трудовой деятельности заставляет человека задуматься, что же будет определять его Я.

Понятие труда заменяется понятием занятости (не разделенной четко на досуг и работу), синонимами которой выступают теперь самореализация и креативность. Занятость становится непрерывной и являет собой ловушку для оставленного на собственное попечение субъекта, лишённого институциональной детерминации. Человек, чьи ресурсы вышли на первый план в достижении собственного идеала, занят непрерывным поиском себя и самосозиданием. А потому не человеческий капитал выходит на первый план, показывая несостоятельность гонки за наращивание капитала, как считают теоретики посткапитализма. Сама жизнь человека и его сущность становятся подконтрольными капиталу, который помещает субъекта в контекст того мира, который создан экономикой. Появляется ориентация самопредпринимателя, определяющая отношение субъекта к самому себе как к объекту постоянных трансформаций.

Самопредпринимательство непосредственно связано с популяризацией креативности как главного свойства профессионала. Только человек, продуцирующий новые идеи, обладает высоким статусом. Общество, в котором труд автоматизирован, освобождает от рутинной деятельности и ориентирует на творчество. Таким образом, креативный класс становится привилегированным классом с точки зрения его претензий на увеличение человеческого капитала, а именно уникальных возможностей и творческой компетентности. Р. Флорида о креативном классе пишет следующее: «Креативный класс состоит из людей, производящих экономические ценности в процессе творческой деятельности. Таким образом, в него входит великое множество работников интеллектуального труда, символических аналитиков, а также лиц свободных профессий и технических специалистов, но принципом объединения служит их реальная роль в экономике» [4, с. 83].

Таких креативных субъектов он описывает через способность формировать общественное мнение (здесь они схожи с персоналиатом), производить новые формы и модели, «открывать новую проблематику» [там же, с. 84]. Действительно, люди, создающие идеи, продающие свой талант, становятся наиболее приоритетными на профессиональной арене современного общества.

Следующим фактором, влияющим на экономического субъекта, является появление персоналиата – «социальной прослойки, обладающей властью над вниманием» [5, с. 156]. Персоналиат ориентирован на создание эффекта аутентичности и культивирует представления о подлинности субъектов социального пространства через демонстрацию уникальных и неповторимых качеств. Образ, который распространяется в медиaprостранстве, – личность, реализующая свои уникальные свойства и не скрывающая собственные эмоциональные проявления. Такая суперличность, по мнению Д. А. Давыдова, является той, «кем восхищаются, кому завидуют, подражают» [там же, с. 206], а значит, тот вид деятельности наиболее престижен, который ориентирован на достижение успеха и славы как главные ценности.

Поскольку с персоналиатом связана «селебритизация социального» [там же, с. 211] – копирование паттернов поведения, свойственных звездам, то к сфере труда теперь относится деятельность, направленная на демонстрацию способов самовыражения.

Общим недостатком прекариата, креативного класса и персоналиата является то, что «классом» они могут быть названы только в кавычках, поскольку их объединяют только общие паттерны поведения, которые могут иметь высокую стоимость в информационном пространстве. Социальная связь внутри креативного класса сводится к сходному потреблению, в персоналиате взаимодействие основывается на возможности привлечь внимание окружающих через популяризацию своих идей и взглядов. Но в целом, и те, и другие ориентированы на необходимость распознать, раскрыть свои потребности и их удовлетворить, т. е. их объединяет мотив поиска себя в общем информационном пространстве, в которое они вбрасывают свои идеи и откуда сами же потом черпают одобренные публикой модели взаимодействия.

Улучшение качества жизни в XX и XXI вв. сопровождается возрастающей индивидуализацией производства и предложения, расширением степени свободы и высвобождением времени для досуга, а потому объектом желания в большей степени становятся не материальные ценности, а сама личность, ее реализация в обществе, возможность действовать, исходя из собственных потенций и потребностей.

Общим для прекариата, персоналиата и креативного класса также является социальная незащищенность, характерная для капиталистических обществ и возрастающая в условиях посткапитализма. «Освобожденный» от оков предприятия работник лишен долгосрочных обязательств, а следовательно, не имеет и гарантий со стороны работодателя. Интересный тип контроля – модуляцию – для характеристики трудовой деятельности второй половины XX в. пред-

лагает Ф. Зарифьян [6]. В современном обществе этот феномен проявляется наиболее ярко – как способ понимания своей профессиональной деятельности и жизни в целом как самостоятельного проекта. Этот проект ограничен рамками дедлайна и временем реализации проекта, в контексте которого переплетаются как необходимые для работы виды деятельности (исследовательская, экспериментальная, творческая и др.), так и сопутствующие ей в качестве фона (самопознание, целеполагание, развитие, проработка ошибок, исследование мотивов).

Социальная незащищенность связана с разрушением прежде существующей формы доверия, поскольку система статусов и институциональных предписаний ослаблена, а потому нет тех устойчивых свойств, которые бы предполагали установление прочного доверия личности или социальным институтам. Доверие складывается на основе неустойчивой системы репутации, которая в своей основе базируется на мнении Других обо мне и о полезности обладаемых мною ресурсов.

Лежащая в основе гибкой занятости переориентация с почасового труда на труд, инициированный определенными задачами и не имеющий жестких временных ограничений, приводит к неожиданному эффекту – замыканию жизни в рамках перманентного саморазвития, где работа и досуг переплетены и являются двумя сторонами одной медали. Стигматизация материальных благ в постэкономической системе ценностей постепенно приводит к пониманию того, что любой процесс должен быть рассмотрен с точки зрения исследования мотивов и способов человеческого существования. Таким образом, развитие личности, как цель постэкономической и постматериалистической эпохи, приводит, в конечном счете, к определенным экономическим результатам: эмоциональный интеллект, человеческий капитал, коммуникативные навыки получают весьма определенное денежное выражение и постоянно оцениваются, проверяются и просчитываются.

Выявляя соотношение прекариата, креативного класса и персоналиата, необходимо понимать, что персоналиат является детищем креативного класса, рожденным в информационной среде. А прекариат – более широкое понятие, характеризующее темпоральность персоналиата и креативного субъекта. Прекарным становится не только труд, но и образ жизни в целом, а потому общественные идеалы и ориентиры сменяются индивидуальными. Это способствует не только исчезновению доверия и социальной солидарности, но и ослаблению коллективной памяти, распаду коллективных движений, способных выработать социальные проекты. Отсутствие вертикальной мобильности внутри класса прекариата ведет к невозможности мотивировать субъектов на выпол-

нение деятельности, которая могла бы вызвать какие-либо неудобства в жизни, заставить терпеть невзгоды ради достижения высоких целей и вполне реального перехода на более высокое положение в социальной и профессиональной иерархии.

Обращаясь к креативному классу и персоналиату, мы можем говорить о том, что именно их существование интенсифицирует неопределенность. Это связано с отсутствием вертикальной мобильности, с почти невыраженными потерями в статусных привилегиях и экономическом уровне. А потому в среде креативных работников и всех тех, кто работает за внимание аудитории, прекарные черты усиливаются, поскольку увеличиваются подвижность креативных субъектов и неопределенность их существования.

А. Горц писал, что «подчинение всего духу выгоды лишает осмысленности всякую деятельность и общественные отношения» [7, с. 85], однако акцент на развитии человеческих способностей как на цели любой деятельности тоже может в перспективе нивелировать всякий смысл и мотивировать на развитие ради самого развития. Как справедливо отмечает В. Г. Федотова, «ярмарка тщеславия людей, ничего не давших обществу, разрастается» [8, с. 502].

Действительно, мы видим уже социальные последствия, связанные с такой гиперфиксацией на себе, а именно: феномены хикикомори и НЕЕТ. Эти феномены социального иждивения связаны напрямую с ориентацией на свои персональные потребности, обесцениванием общественных идеалов, атомизацией субъектов, стремящихся к освобождению от любой формы зависимости, и с фиксацией на личных интересах.

Как следствие, можно говорить о том, что новый тип экономических отношений требует новой этики, которая будет включать в себя ориентацию не только на индивидуализм, но и на построение нового типа сообщества, с присущими ему ценностями и субъектами деятельности, реализующими моральное отношение к Другому. Отсутствие личной ответственности за Другого и сообщество в целом создает в современном обществе субъектов, чье поведение (в том числе, экономическое) адекватно с точки зрения индивидуальной адаптации, но бессмысленно в контексте социальной реальности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Корсани А. Трансформация труда и его темпоральностей // Логос. 2015. Т. 25, № 3.
2. Сасскинд Д. Будущее без работы. Технология, автоматизация и стоит ли их бояться. М. : Индивидуум, 2021 352 с.
3. Стэндинг Г. Прекариат : новый опасный класс. М. : Ад Маргинем Пресс, 2014. 328 с.

4. Флорида Р. Креативный класс: люди, которые меняют будущее. М. : Классика–XXI, 2007. 421 с.
5. Давыдов Д. А. Посткапитализм и рождение персоналиата. М. : Рипол-Классик, 2021. 336 с.
6. Зарифьян Ф. Инфляция и валютный кризис. М. : Профиздат, 1977. 328 с.;

7. Горц А. Нематериальное. Знание, стоимость и капитал. М. : Издат. дом гос. ун-та. Высшей школы экономики, 2010. 208 с.
8. Федотова В. Г., Колпаков В. А., Федотова Н. Н. Глобальный капитализм: три великие трансформации. М. : Культ. революция, 2008. 608 с.

*Воронежский государственный университет
Тихонова И. Ю., кандидат философских наук, доцент
кафедры онтологии и теории познания
E-mail: tikhonovaiu@yandex.ru*

*Voronezh State University
Tikhonova I. Yu., Candidate of Philosophical Sciences,
Associate Professor of the Ontology and Theory of Knowledge
Department
E-mail: tikhonovaiu@yandex.ru*